

DOI: 10.55105/2500-2872-2023-1-80-93

Первый год премьерства Кисида Фумио: конец «абэномики» или ее продолжение?

В.Г. Швыдко

Аннотация. В статье рассматривается опыт первого года премьерства Кисида Фумио с точки зрения формулируемой и осуществляемой его кабинетом экономической политики. Последняя анализируется посредством соотнесения ее с политикой, осуществлявшейся в течение последних десяти лет предшественниками Ф. Кисида на посту главы кабинета, с одной стороны, и с положениями, заявлявшимися им в ходе предвыборной кампании 2021 г. – с другой. Отмечается, что в своих базовых моментах экономическая политика кабинета нового лидера правящей Либерально-демократической партии сохраняет преемственность по отношению к курсу, который выдерживался все предшествующие годы командой Абэ Синдзо («абэномика»). Это выражается и в характере использования основных инструментов макроэкономической политики, прежде всего в кредитно-денежной и налоговой сферах, и в расстановке приоритетов политики стимулирования потребления и хозяйственной активности. К элементам преемственности курса относятся, в частности, мягкая монетарная политика; позитивное отношение к снижению курса национальной валюты; умеренно экспансионистская бюджетная политика, опирающаяся на внутренние заимствования; приоритет интересов национального бизнеса. Унаследованными от предшествующих кабинетов являются также курс на активизацию правительственными мерами отложенного частного спроса; содействие инвестициям в НИОКР, венчурному и инновационному предпринимательству, прежде всего в регионах. Провозглашавшийся Ф. Кисида акцент на активизацию перераспределительных механизмов и увеличение доли наемного труда в совокупных доходах пока не нашел воплощения в конкретных решениях и действиях правительства. Тезис о необходимости расширить число бенефициаров капиталистической рыночной системы в рамках его концепции «нового капитализма» также еще предстоит наполнить конкретным содержанием.

В последние месяцы внимание правительства и его экономического блока в большой степени было сосредоточено на преодолении последствий дезорганизации трансграничных производственных, торговых и логистических цепочек в результате пандемии коронавирусной инфекции и роста геополитической напряженности. Конкретными приоритетными направлениями деятельности в этом направлении стали частичная компенсация бизнесу и домохозяйствам роста цен на энергоносители и продовольствие; диверсификация либо локализация критически значимых звеньев торгово-производственных цепочек, а также исключение из них политически нежелательных или нестабильных локаций. На данном этапе, однако, действия правительства ограничиваются постулированием целей и планами финансирования соответствующих программ, эффективность которых пока неочевидна.

Ключевые слова: Япония, экономическая политика, социально-экономические реформы, «новый капитализм», транснациональные хозяйственные цепочки, абэномика.

Автор: Швыдко Виталий Григорьевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель группы экономики и политики Японии, Национальный исследовательский

институт мировой экономики и международных отношений РАН (адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23). ORCID: 0000-0002-7784-1655; E-mail: shvydko@imemo.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Швыдко В.Г. Первый год премьерства Кисида Фумио: конец «абэномики» или ее продолжение? // Японские исследования. 2023. № 1. С. 80–93. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-1-80-93

Fumio Kishida's first year in PM office: Is Abenomics to end or stay?

V.G. Shvydko

Abstract. The article addresses the experience of Fumio Kishida's first year as Prime Minister of the Japanese government with respect to its economic policy vision and implementation. The latter is presented by comparing it to the policy pursued over the past ten years by PM Kishida's predecessors in the office, on the one hand, and to the commitments he announced during the 2021 election campaign, on the other. The paper notes that, in its basic moments, the economic policy of the cabinet of the new leader of the ruling Liberal Democratic Party continues the course previously maintained by the team of then-PM Shinzō Abe, known as *Abenomics*. This manifests itself in the specifics of the use of basic tools of macroeconomic policy, monetary and tax instruments to be named first, as well as in choosing priorities for the policy stimulating consumption and economic activity. The continuity of the course can be particularly illustrated by loose monetary policy; positive view of the depreciation of Japanese national currency; moderately expansionary fiscal policy relying on domestic borrowing; preference given to the interests of the corporate sector. Legacy inherited from previous administrations also includes the government striving to revitalize private demand; promoting investment in R&D, venture and innovating enterprises with particular stress on regional economies. Kishida's particular emphasis on invigorating redistributive mechanisms and increasing labor share in national income has not yet led to material decisions and actions by the government. Nor did Kishida make progress with his commitment to expand the ring of beneficiaries of the capitalist market system, as part of his idea of "new capitalism".

In recent months, the attention of the government and its economic team has been largely focused on overcoming the consequences of the disruption of transnational chain lines in production, trade, and logistics, as a result of the coronavirus pandemic and rising geopolitical tensions. In addressing this issue, they prioritized subsidizing businesses and households to partially offset energy and food price hikes; securing diversification or localization of critical links of trade and production chains, as well as the exclusion of politically undesirable or unstable locations from them. At this stage, however, the actions of the government are limited to setting relevant goals and plans to provide finance for programs with effectiveness yet to be proved.

Keywords: Japan, economic policy, social and economic reforms, "new capitalism", transnational business chains, Abenomics.

Author: Shvydko Vitaly G., Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Head of Japan Economy and Politics Group, National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (address: 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-7784-1655; E-mail: shvydko@imemo.ru

For citation: Shvydko V.G. Pervyi god prem'erstva Kisida Fumio: konets «abenomiki» ili ee prodolzhenie? [Fumio Kishida's first year in PM office: Is Abenomics to end or stay?]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2023, 1, 80–93. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-1-80-93

Год пребывания на посту главы кабинета министров Японии Кисида Фумио – нового лидера Либерально-демократической партии (ЛДП), главной политической партии страны, выражающей настроения и политические представления основной части японского истеблишмента, – поставил вопрос о том, как смена руководства отразится на экономической политике правительства, которая в течение десяти предшествующих лет так или иначе отражала подходы, олицетворявшиеся ярким представителем японских консерваторов Абэ Синдзо. Несмотря на противоречивые оценки результатов этих подходов, несколько искусственно объединявшихся официально использовавшимся термином «абэномика» (*абэномикусу*), в общественном сознании экономическая реальность Японии второй половины 2010-х гг. во многом характеризуется именно этим выражением («эпоха абэномики») [Hoshi, Lipsy 2021].

Со сменой главного лица японской политики неизбежно возникает элемент неопределенности: в какой степени личные взгляды и пристрастия нового главы правительства окажут воздействие на установки и приоритеты экономических властей, и стоит ли ожидать их изменения как в ближайшем будущем, так и в среднесрочной перспективе. Данная статья представляет собой попытку если и не дать ответ на возникающие вопросы, то, по крайней мере, облегчить его поиск на основе имеющегося фактического материала.

Идейно-политическое позиционирование в стартовый период

Очевидно, что новый лидер японских консерваторов обладает определенными личными политическими и интеллектуальными амбициями, побудившими его примерить на себя амплу пусть и не радикального реформатора, но, во всяком случае, носителя новых идей и подходов. Это было для него особенно актуально на фоне смешанной, а местами и откровенно негативной оценки в партии состояния экономики страны на момент выборов председателя ЛДП осенью 2021 г. [Satoh 2022, p. 72]. В качестве кандидата на этот чрезвычайно важный в японской политике пост Ф. Кисида выражал намерение своей будущей политикой способствовать значимым изменениям по ряду важных направлений социально-экономического развития страны. В частности, он выделял такие цели, как: 1) усиление перераспределения доходов за счет увеличения налогообложения имущих слоев населения и расширения системы социальных пособий и помощи наиболее нуждающимся, а также расширения бесплатного доступа к некоторым государственным услугам, прежде всего образовательным; 2) достижение большей «инклюзивности» экономики путем участия в экономической и финансовой активности тех категорий населения, которые до сих пор в значительной степени не были в нее вовлечены, и 3) акцент на социальную ориентированность технологической политики, которая должна не только и не столько поднять производительность на производстве, сколько повысить комфорт и благосостояние обычного человека («народа»). При этом будущий премьер активно оперировал выражением «новый капитализм», главной отличительной чертой которого, по его словам, должно стать ослабление мотива получения текущей прибыли и переориентация бизнеса на поставленные обществом долгосрочные задачи «гармоничного развития».

При всей обтекаемости использовавшихся Ф. Кисидой формулировок, не предполагавших резкого и, тем более, радикального вмешательства в хозяйственные отношения, изначальная повестка нового лидера, исходя из ее основных акцентов (уменьшение экономических разрывов в обществе, усиление перераспределительной функции государства и др.), может быть охарактеризована как левая по современным европейским меркам. В особенности это относится к социалистическому, по сути, содержанию его лозунга «нового капитализма», подразумевающего примат социальных задач функционирования бизнеса по отношению

к мотивам максимизации прибыли и роста капитализации компаний. К этой же характеристике подводит и присущая его публичным выступлениям радикальность предлагаемой экологической повестки, в частности его обещания вывести Японию в глобальный авангард строительства новой, низкоуглеродной и экологически нейтральной экономики.

Такой подход мог бы показаться противоестественным для представителя японской консервативной правящей элиты, если бы не растущая склонность этой элиты к популистской фразеологии, ставшей в последние десятилетия неременным имиджевым элементом политического «мэйнстрима». Определенный набор высказываний в подобном ключе стал фактически обязательным для любого японского политика, претендующего на роль визионера и национального лидера вне зависимости от его идеологического бэкграунда. Мотивы подобного рода активно использовал и С. Абэ – фактический предшественник Ф. Кисида в качестве лидера японских консерваторов (если абстрагироваться от годичного пребывания на этом посту Ё. Суга), энергично создававший публичный образ сильного лидера, уверенного в себе и в своем понимании будущего. В еще большей степени к популистской риторике прибегал его аппарат, инициировавший принятие и публикацию разнообразных программных документов («стратегий»), излагавших правительственное видение грядущих изменений в экономике и обществе. Это видение неизменно включало в себя утопическое описание будущих технологий и обещание скорого снятия всех материальных ограничений для жизненного комфорта, что якобы станет результатом реализации плодов новой «промышленной революции» и технологического прогресса¹. Таким образом, новый глава ЛДП не изменил уже сложившейся традиции, а лишь модифицировал акценты и словесные штампы, сохранив приверженность своей партии обещаниям всеобщего процветания и социальной гармонии².

Вместе с тем помимо вышеописанных общих принципов в предвыборных речах Ф. Кисида присутствовали и некоторые более конкретные обещания, отражавшие его реформаторскую риторику левой направленности. В частности, он предлагал поднять существующий налог на прирост стоимости активов, объектом которого является имущество относительно состоятельных слоев населения; повысить налогообложение выплачиваемых компаниями дивидендов; обязать крупный бизнес повышать оплату труда в соответствии с правительственными рекомендациями. Кисида также предлагал некоторые меры для переформатирования мотивации корпораций от приоритетного обеспечения прибыльности на краткосрочном горизонте к достижению долгосрочных целей. В частности, он предполагал отменить практику квартальной публичной отчетности, фокусирующейся на показателях текущей доходности, и ограничить возможности корпораций осуществлять обратный выкуп своих акций (*buyback*). Впрочем, отсутствие деталей говорило о том, что речь шла не о конкретных предложениях соответствующих рабочих групп в партийном аппарате, а лишь о программных «фишках», предложенных кандидату на роль лидера партии штабом его советников.

¹ Во второй половине 2010-х гг. это полуутопическое представление о будущем приняло форму официальной концепции «общества 5.0» – постинформационного общества социально-экономической гармонии на основе достижений Четвертой промышленной революции и повсеместного внедрения технологий, использующих искусственный интеллект и современные средства коммуникации и связи.

² Соответствующие положения и обещания содержатся в официальных материалах ЛДП, в том числе датируемых самым последним временем (См., в частности: Ketsudan to Jitkou. Mirai o Mamoru. Nihon o Mamoru. Jimintou Reiwa 4 nen Seisaku Panfuretto [Decision and Implementation. Protecting Future. Protecting Japan. LDP Policy 2022] http://jimin.jp-east-2.storage.api.nifcloud.com/pdf/pamphlet/202206_pamphlet.pdf (дата обращения: 09.12.2022)).

Первый год: адаптация новых подходов к привычной практике

Время, прошедшее с момента избрания Ф. Кисида главой партии и премьером, показало, что некоторые конкретные обещания, связанные с лозунгом «нового капитализма», оказались существенно скорректированы, а сроки реализации других отодвинуты на отдаленную перспективу.

Так, правительство под руководством нового премьера не предложило к немедленной реализации никаких существенных налоговых новаций, которые были бы нацелены на увеличение масштабов перераспределения доходов. Одновременно, ранее обсуждавшиеся проекты налогового маневра в этом направлении были фактически отложены и частично изменены. Так, выступая в лондонском Сити в мае 2022 г. и, позже, перед инвесторами на Нью-Йоркской фондовой бирже, Кисида поделился планами налогового поощрения частных финансовых инвестиций, а в ноябре того же года представил одобренный правительством план расширения соответствующих налоговых льгот³. Эти меры очевидно диссонируют с его первоначальной идеей усиления обложения доходов от финансовых активов как способа перераспределения доходов и богатства, и это противоречие не осталось незамеченным⁴.

Что же касается побуждения к более динамичному повышению заработной платы, то и здесь какого-то особого давления бизнес не испытал. Во всяком случае, публичных жалоб на это обнаружить не удастся, а статистика показывает, скорее, стагнацию доходов работающих по найму. Повышение базовых ставок оплаты труда по результатам традиционных весенних переговоров о перезаключении коллективных трудовых договоров в крупных корпорациях в 2022 г. составило лишь 1,86% – меньше, чем в предшествующие годы⁵. Рекомендуемое Министерством труда ежегодное повышение размеров минимальной оплаты труда (конкретные цифры определяются властями префектур) и в 2021 г., и в 2022 г. составляло примерно те же 3 проц., что и в 2015–2019 фин. гг.⁶ При этом министр труда в своих ремарках на публичных пресс-конференциях рекомендовал соотносить планируемые повышения с возможностями бизнеса, не предъявляя ему неоправданно высоких требований⁷.

То же самое можно сказать и о регулятивных новациях: деятельность первого кабинета Ф. Кисиды не показала наличия у него планов крупных изменений регулятивной системы в сторону усиления ограничений или перераспределительного эффекта.

Вместе с тем лозунг «нового капитализма» не исчез из публичной риторики нового лидера даже после того, как стало очевидным отсутствие у него планов производить революционные изменения в экономической и социальной политике. Отсылки к этой концепции, а также рассуждения о необходимости большего перераспределения доходов через использование фискально-бюджетных механизмов, политически мотивированного вовлечения в экономику маловостребованных человеческих ресурсов, усиления социальной и экологической

³ В частности, речь шла о расширении программы безналоговых инвестиционных счетов для физических лиц, известной под аббревиатурой NISA. См.: Transcript: Japan PM Kishida's speech in London. <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Transcript-Japan-PM-Kishida-s-speech-in-London> (дата обращения: 06.12.2022).

⁴ Kishida's asset income plan marks departure from focus on wealth redistribution // The Japan Times. 30.11.2022. <https://www.japantimes.co.jp/news/2022/11/30/business/kishida-double-asset-income/> (дата обращения: 06.12.2022). См. также: Nagata, K. What's behind Kishida's plan to spur household investment // The Japan Times. 11.05.2022 <https://www.japantimes.co.jp/news/2022/05/11/business/economy-business/behind-kishida-plan-investment/> (дата обращения: 06.12.2022).

⁵ How 'transitory' is Japanese inflation? // Nikkei Asia Market Spotlight. <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Market-Spotlight/How-transitory-is-Japanese-inflation> (дата обращения: 06.12.2022).

⁶ The Japan Times. 01.07.2022. <https://www.japantimes.co.jp/news/2022/07/01/business/minimum-wage-hikes-companies-pressure> (дата обращения: 06.12.2022).

⁷ См., в частности, тексты выступлений министра на пресс-конференциях, размещенные на официальном сайте министерства. https://www.mhlw.go.jp/stf/kaiken/daijin/0000194708_00459.html (дата обращения: 06.12.2022).

ответственности бизнеса и т. п. по-прежнему присутствуют в его выступлениях, рассчитанных на широкую, в том числе международную аудиторию⁸. Более того, в них можно увидеть намеки на амбиции и готовность Ф. Кисида примерить на себя амплуа реформатора, создателя новой стратегии реагирования на стоящие перед страной исторические вызовы и, по его собственному выражению, «грандиозной трансформации либерального демократического общества». В частности, формулируя главные задачи своего кабинета, Ф. Кисида не ограничивается обещаниями подвергнуть изменениям регулятивную среду, налоговый режим и администрирование бюджетных расходов, а говорит о масштабной цели построения общества «всеобщего участия», в котором «вклад и усилия каждого будут надлежащим образом оцениваться и вознаграждаться».

Однако реформаторская риторика нового лидера формулируется на достаточно высоком уровне абстракции и не приобретает вид проработанных содержательных документов официального характера. Что же касается практических действий правительства и экономических властей (к которым относятся также Центральный банк и государственные или полугосударственные корпорации, выполняющие функции поддержки экономики) вместо обещанного поворота к «новому капитализму» обнаруживается большой элемент преемственности.

Общая картина экономической политики: преемственность как основа

Прежде всего, это относится к параметрам *кредитно-денежной (монетарной) политики*. Последняя, являясь важнейшим элементом экономической политики, остается неизменной на протяжении всего последнего десятилетия, и никаких изменений в связи со сменой премьера в ней не произошло. Приоритетом официальной линии в этой области, как и прежде, является обеспечение дешевизны кредита посредством целенаправленного воздействия на объем ликвидности (размеры денежной массы) в экономике и на процентные ставки на денежных рынках.

Мягкая (или, скорее, сверхмягкая) монетарная политика, характеризующаяся удержанием процентных ставок на денежном рынке на предельно низком уровне, сохраняется в более или менее неизменном виде все последнее десятилетие. Эта линия была четко обозначена главой центрального банка страны Х. Курода сразу после его назначения на пост управляющего Банком Японии в 2013 г. и выдерживалась им и возглавляемым им учреждением на протяжении всех последующих лет. Для этого были задействованы все доступные денежным властям рычаги: операции с государственными облигациями на открытом рынке; процентные ставки для счетов в центральном банке, на которых размещаются резервы и иные средства коммерческих банков; публичные заявления руководства Банка Японии, призванные повлиять на ожидания участников рынка (вербальные интервенции). Все названные инструменты комплексно и скоординированно использовались для удержания стоимости кредита в национальной валюте на минимально возможном уровне и, как следствие, для оказания понижающего давления на курс иены на валютном рынке.

Возможность для такого использования обеспечивалась, с одной стороны, политической поддержкой со стороны С. Абэ, который сам и инициировал этот курс в целях стимулирования экономического роста и минимизации издержек, связанных с увеличением и обслуживанием

⁸ См., например, обращение Ф. Кисида к участникам Всемирного экономического форума в Давосе (World Economic Forum. Special Address by Kishida Fumio, Prime Minister of Japan <https://www.weforum.org/agenda/2022/01/japan-new-form-of-capitalism-revive-economy/> (дата обращения: 06.12.2022)); его выступление перед инвестбанкирами в лондонском Сити в мае 2022 г. (Transcript: Japan PM Kishida's speech in London), и др.

огромного государственного долга. А с другой стороны, она сохранялась благодаря чрезвычайно низкой инфляции, а в отдельные годы – и дефляции в японской экономике на протяжении всего этого периода, когда индекс потребительских цен показывал низкие положительные (менее 2% в годовом выражении) либо отрицательные значения.

Даже обескураживающе резкое падение курса иены в 2022 г., которое стало следствием сохранения на околонулевом уровне ключевых ставок, регулируемых центральным банком⁹, на фоне повышения этих ставок денежными властями США и еврозоны, не заставило Банк Японии пойти на коррекцию своей политики. Несмотря на то, что в деловой элите мнения по поводу такого упорства монетарных властей разделились, руководство центрального банка сочло произошедшее снижение курса недостаточным аргументом для изменения ключевых ставок. Столь же недостаточным аргументом оно сочло и оживление в 2022 г. роста потребительских и оптовых цен: повышение темпов потребительской инфляции до 2–3% (в годовом исчислении) рассматривается им как следствие действия немонетарных факторов, в первую очередь повышения цен на сырье на мировых рынках и разрыва логистических и производственных цепочек в результате роста геополитических напряжений¹⁰. Кроме того, эта инфляция, как отмечают многие эксперты, в существующих в Японии условиях гасится высокой эластичностью спроса домохозяйств, гибко реагирующим на повышение цен сокращением потребления¹¹. Соответственно, повышение процентных ставок в этих условиях видится Банку Японии как минимум бесполезным с точки зрения предотвращения усиления инфляции, которая к тому же в 2022 г. демонстрировала гораздо более низкие значения, чем в США или еврозоне.

Сохраняется и *в целом позитивное отношение к ослаблению иены*, характерное для экономических идеологов предыдущего премьера, особенно на первом этапе формулирования принципов «абэномики». Несмотря на то, что Х. Курода, а также представители Министерства финансов публично говорили о вероятных отрицательных последствиях столь резкого, как это было летом и осенью 2022 г., удешевления национальной валюты, в первую очередь негативного воздействия в плане предсказуемости деловой среды¹², в целом особенного беспокойства оно не вызвало.

Заявления официальных лиц свидетельствовали скорее о том, что поводом для беспокойства должен быть резкий характер движения курса, скорость происходящих изменений. А сам процесс удешевления национальной валюты, особенно в свете дефицита торгового баланса, возникшего в результате удорожания импортного сырья, с точки зрения перспектив экономического роста рассматривался как скорее положительное, нежели отрицательное явление. И несмотря на то, что правительство в лице министра финансов С. Судзуки обещало «принять необходимые меры» в случае неконтролируемого дальнейшего движения курса иены¹³, никаких попыток скорректировать его повышением ставок на

⁹ В Японии – это процентные ставки по необязательной части депозитов коммерческих банков в центральном банке, оказывающие определяющее воздействие на ставки краткосрочного денежного рынка, и поддерживаемый операциями Банка Японии целевой уровень доходности долгосрочных государственных облигаций, торгуемых на вторичном рынке. В течение всего 2022 г. глава Банка Японии неоднократно подтверждал намерение сохранять эти показатели на уровне, соответственно, минус 0,1% и 0% (для десятилетних облигаций).

¹⁰ На повышенную роль немонетарных факторов в нынешнем глобальном подъеме инфляции указывают многие авторитетные экономисты, например К. Рогов [Rogoff 2022].

¹¹ How ‘transitory’ is Japanese inflation?

¹² См., например, его высказывания по этому поводу на заседании бюджетного комитета верхней палаты парламента 19 октября 2022 г. (Nichigin Kuroda Sousai: Enyasu «Kyuusoku katsu Itpouteki Waga Kuni Keizai ni Mainasu» [BOJ Governor Kuroda: Yen Depreciation “Rapid and One-sided. Negative to Our Economy”] // NHK – kabuka kawase. <https://www.nhk.or.jp/news/html/20221019/k10013863601000.html> (дата обращения: 06.12.2022).

¹³ The Japan Times. 06.09.2022. <https://www.japantimes.co.jp/news/2022/09/06/business/economy-business/yen-dollar-141-level/> (дата обращения: 06.12.2022).

внутреннем денежном рынке центральным банком предпринято не было. Тем более что тот же Х. Курода неоднократно публично подчеркивал, что не считает разницу в процентных ставках единственной причиной снижения курса иены. Что же касается попыток проводить интервенции на валютном рынке¹⁴, то они в большей степени отражали стремление сгладить краткосрочные всплески продаж национальной валюты (или, говоря официальным языком, «убрать чрезмерную волатильность»), чем расчет на перемену среднесрочного тренда.

Еще одним важным моментом преемственности экономической политики нового премьера является фактическое *принятие в качестве нормы хронической дефицитности государственного бюджета* и, соответственно, дальнейшее увеличение размеров государственного долга. Если в самом начале «эпохи С. Абэ», то есть в 2013–2014 гг., правительство еще ставило в качестве среднесрочной цели сбалансирование текущих расходов и доходов правительства с выходом на бездефицитность «первичного бюджета» (то есть баланса бюджетных доходов и расходов без учета затрат на обслуживание госдолга), то довольно скоро эта задача была отодвинута во времени, а затем и вовсе выпала из числа правительственных приоритетов. Помимо растущих социальных расходов, что в немалой степени связано с неостановимым процессом увеличения доли старших возрастных групп в структуре населения, попытки стимулировать экономический рост с помощью бюджетных расходов с неизбежностью вели к масштабному дефициту бюджета, покрываемому выпуском все новых объемов государственных долговых обязательств, аккумулируемых Банком Японии.

С приходом нового премьера ситуация в этом отношении не поменялась: в центре внимания остаётся не проблема «оздоровления» государственных финансов, а вопросы поддержки хозяйственной деятельности бюджетными рычагами – «стимулирующими пакетами» мер государственной помощи бизнесу. Фактически все меры поддержки экономики, о которых велась речь в 2022 г., как минимум, сопровождалась обещаниями направить в нее дополнительные средства в рамках бюджетов текущего и последующих финансовых периодов, а часто и сводились к таким обещаниям. Вопрос о последствиях роста государственных расходов в рамках программ поддержки различных сегментов производства и потребления по-прежнему рассматривается как вторичный, а дальнейший рост объема государственного долга – как допустимый.

Дополнительный импульс наращиванию государственного долга придало окончательно сформировавшееся в течение 2022 г. намерение существенно увеличить военные расходы, в том числе с помощью дополнительного выпуска гособлигаций, предназначенного специально для обеспечения финансирования оборонного бюджета¹⁵. Несмотря на то, что в соответствующих комиссиях на партийном уровне планируется провести обсуждение возможных вариантов повышения прямых налогов на доходы корпораций и физических лиц, консолидированного мнения по этому поводу, как сообщается, пока нет, и быстрых изменений в этом направлении ожидать не стоит.

Третий существенный момент преемственности экономического курса кабинетов нового премьера – это приоритет **интересов бизнеса** при принятии важных решений в фискальной сфере. При определении мер поддержки экономики налоги на крупный бизнес по-прежнему

¹⁴ О таких интервенциях сообщалось, в частности, в конце сентября 2022 г. Министерство финансов позднее отчиталось, что направило на сентябрьские интервенции более 2,8 трлн иен (19,8 млрд долл. США) См.: The Japan Times, 30.09.2022 <https://www.japantimes.co.jp/news/2022/09/30/business/financial-markets/japan-forex-intervention-total/> (дата обращения: 06.12.2022).

¹⁵ Отличие этих выпусков облигаций от стандартных заключается в том, что источники средств для их погашения фиксируются заранее: таковыми, в частности, могут быть назначены поступления от повышения акцизов на табачные изделия и/или отмены ряда льгот при налогообложении прибыли корпораций. Детали эмиссии такого рода облигаций и механизма их погашения еще предстоит определить. (Japan floats issuance of government bonds and higher taxes to cover defense costs // The Japan Times, 30.09.2022 <https://www.japantimes.co.jp/news/2022/09/17/national/politics-diplomacy/japanese-defense-budget-bonds-taxes/> (дата обращения: 06.12.2022)).

в большей степени рассматриваются преимущественно как объект возможных послаблений, а не как источник дополнительных поступлений для стимулирующих расходов. Вопреки духу левых концепций, видящих в крупном транснациональном бизнесе скорее угрозу, нежели двигатель развития, основные моменты принятых уже при новом премьер-министре (в ноябре 2021 г., апреле и октябре 2022 г.¹⁶) пакетов стимулирующих расходов на сумму 55,7 трлн иен, 6,2 трлн иен и 39 трлн иен¹⁷ соответственно, свидетельствовали скорее о намерении поддержать частный бизнес в целом, чем о попытке усилить регулирование крупного бизнеса в интересах государства и общества.

Первый из этих пакетов носил комплексный характер и ставил задачей обеспечить восстановление и рост хозяйственной активности после шокового периода, связанного с пандемией коронавируса. Второй был призван помочь нейтрализовать последствия резкого роста цен на энергоносители, прежде всего на нефть, и другие ключевые товарные позиции. Оба содержали обязательства по поддержке мелкого и среднего бизнеса, пострадавшего в результате снижения спроса на фоне эпидемии коронавируса, в форме льготных (беззалоговых беспроцентных) кредитов и гарантий государственных финансовых учреждений, а также субсидий, призванных частично компенсировать недополученный доход либо, как это предусматривал второй пакет мер, рост затрат на приобретение топлива. При этом большая часть программ помощи были ограничены как по срокам (как правило, несколькими месяцами), так и по суммам помощи, доступной пострадавшим предприятиям.

Третий пакет, принятый в октябре 2022 г., носит наиболее комплексный характер и предусматривает выделение существенных средств для компенсации роста затрат на обеспечение электроэнергией и топливом домохозяйств и определенных категорий предприятий; организационное, информационное и инфраструктурное содействие бизнесу, обеспечивающему активное использование локальных (местных) ресурсов; содействие бизнесу, осуществляющему инвестиции в человеческие, интеллектуальные и инновационные активы, в том числе в форме стартапов; содействие бизнесу, развивающему и использующему цифровые и «зеленые» технологии.

Наконец, еще одним элементом преемственности можно считать линию на **поощрение финансовых инвестиций субъектов экономики**, в том числе домохозяйств, которые в Японии отличаются в среднем достаточно высокой склонностью к сбережению, причем последняя повышается по мере роста доли старших возрастных групп в структуре населения. В целях привлечения этих средств на фондовый рынок с 2014 г. в рамках упомянутой выше системы индивидуальных сберегательно-инвестиционных счетов (Nippon Individual Savings Account, NISA) используется несколько схем, позволяющих освободить от налогообложения доход физических лиц, полученный от вложения в инструменты фондового рынка (в пределах

¹⁶ Тексты соответствующих документов, утвержденных решением правительства 19.11.2021 г., 26.04.2022 г. и 28.10.2022 г., размещены на сайте канцелярии премьер-министра. См.: Corona Kokufuku Shinjidai Kaitaku no tame no Keizai Taisaku (Reiwa 3nen 11gatsu 19nichi) [Economic Policy Measures to Overcome Corona and Open New Era (19 November, 2021)]. <https://www5.cao.go.jp/keizai1/keizaitaisaku/keizaitaisaku.html> (дата обращения: 09.12.2022); Koronaka ni okeru «Genyu Kakaku Butka Koutou nado Sougou Kinkyuu Taisaku» (Reiwa 4nen 4gatsu 26nichi) [Comprehensive Set of Emergent Policy Measures Related to Oil and Overall Price Hikes against Coronavirus Background (26 April, 2022)]. <https://www5.cao.go.jp/keizai1/keizaitaisaku/keizaitaisaku.html> (дата обращения: 09.12.2022); Butkadaka Kokufuku Keizai Saisei Jitsugen no tame no Sougou Keizai Taisaku (Reiwa 4nen 10gatsu 28nichi) [Comprehensive Set of Policy Measures to Overcome Price Hikes and Rebuild Economy (28 October 2022)]. <https://www5.cao.go.jp/keizai1/keizaitaisaku/keizaitaisaku.html> (дата обращения: 09.12.2022).

¹⁷ Следует оговориться, что часть мер, включенных в стоимость «пакетов», является частью уже принятых бюджетных планов. Так, из общей стоимости мер экономического стимулирования, предусмотренных октябрьским пакетом, часть, требующая принятия решений о дополнительном бюджетном финансировании, оценивается в 29.1 трлн иен (Iwamoto, K., Take, S. Japan unveils \$200bn package to combat highest inflation in decades // Nikkei Asia. 28.10.2022 <https://asia.nikkei.com/Economy/Inflation/Japan-unveils-200bn-package-to-combat-highest-inflation-in-decade>

определенных сумм)¹⁸. Ф. Кисида неоднократно выражал намерение придать этой системе постоянный характер, учитывая, что лишь 10% суммарных личных сбережений, составляющих в совокупности более 2 квадрилл иен, инвестированы в торгуемые финансовые активы. Правительственный план, представленный им в ноябре 2022 г., предусматривает, помимо постоянного статуса для этой программы, расширение временных и стоимостных порогов для применяемых льгот. И хотя сам премьер увязывает это намерение со своей концепцией «нового капитализма» с широким слоем собственников в составе «среднего класса», фактически речь идет о развитии фондовых рынков, в первую очередь в интересах его операторов и крупных агентов, которые и ранее пользовались большим вниманием профильных комитетов и советов при руководстве правящей коалиции. Безусловно, выиграют от этого и крупные корпорации, являющиеся масштабными эмитентами фондовых инструментов. Этим корпорациям и в предшествующее десятилетие удалось заметно увеличить свою капитализацию и облегчить условия привлечения финансовых ресурсов не в последнюю очередь благодаря мягкой политике Банка Японии.

Таким образом, несмотря на предположения ряда экспертов, что Ф. Кисида будет постепенно демонтировать систему монетарных и бюджетных стимулов для бизнеса, составлявших основу «абэномики», пока никаких признаков движения в этом направлении не наблюдается. Напротив, доминирующими чертами экономической политики первого года премьерства Ф. Кисиды, если судить о ней не по лозунгам, а по практическим действиям, являются подчеркнутая преемственность и осторожность; стремление довести до завершения те комплексы мер, которые были спланированы и запущены в бюрократическую машину в предшествующие годы.

В этой связи интересным представляется вопрос о том, как видится кабинету министров, и в первую очередь его профильному блоку, экономика Японии и возможности воздействия на нее на перспективу ближайших нескольких лет.

Задачи экономической политики на среднесрочную перспективу: правительственное видение

Знакомство с официальными релизами, появившимися уже после смены лидера правящей партии, позволяет сделать вывод о том, что состояние экономики и его ожидаемая динамика в целом соответствуют оценкам, которые делались в начале и середине 2021 г. Главным фактором, определяющим изменение конъюнктуры, называется след, оставленный вспышкой коронавирусной инфекции и новые волны заболевания, которые уже не сопровождаются локдаунами, но, тем не менее, сказываются как на потребительской активности, так и на функционировании производственных цепочек. Негативным следствием является существенное снижение потребления и частных инвестиций; падение объемов хозяйственной активности в 2020–2021 гг.; отрицательная динамика потребительских цен; дополнительное напряжение состояния государственных финансов.

Все это, по мнению правительственных экономистов, требует активной политики стимулирования отложенного частного спроса, дополнительных государственных расходов на поддержку хозяйственной активности, а также моральной поддержки населения и бизнеса, ищущих возможности «сосуществования с ковидом». Главным двигателем и гарантом «устойчивого роста» должно стать именно оживление частного спроса – как потребительского, так и инвестиционного. Что же касается интенсификации перераспределения доходов в русле

¹⁸ Подробное описание этих схем представлено на сайте Управления финансовых услуг (*кинъютё*): <https://www.fsa.go.jp/policy/nisa2/about/index.html> (дата обращения: 06.12.2022).

парадигмы «нового капитализма», то она рассматривается скорее как возможность, создаваемая устойчивым ростом, нежели как движущая сила или причина последнего¹⁹. При этом, правда, в концептуальном плане экономический рост и распределение его результатов рассматриваются как взаимодополняющие и взаимно стимулирующие элементы: «новый рост возможен только в результате [правильного] распределения плодов предшествующего роста»²⁰.

Инструментами оживления частного спроса, как и в годы «абэномики», неизменно называются преодоление дефляции и «стимулирующие» бюджетные ассигнования. В числе последних особо выделяются расходы на реализацию программ, содействующих закупкам высокотехнологичных товаров и услуг в рамках концепций «научно-технологической державы», «экономической безопасности» и широкого распространения цифровых платформ в соответствии с рекомендациями специальной правительственной комиссии по цифровизации²¹.

На стороне предложения речь ведется, главным образом, о двух направлениях: 1) мерах по повышению обеспеченности экономики трудовыми ресурсами в количественном и качественном измерении, и 2) поддержке производственной и инновационной активности на критически важных, по мнению правительственных экономистов, направлениях. В качестве последних называются производство полупроводниковых элементов; накопителей электрической энергии; разработка и внедрение технологий с использованием искусственного интеллекта. Для названных направлений предлагается использовать как прямое субсидирование, так и механизмы государственно-частного партнерства. Что же касается повышения обеспеченности трудовыми ресурсами, то внимание обращается главным образом на использование более гибких форм занятости, включая удаленную работу и институционализацию фриланса, и улучшение профессиональной мобильности рабочей силы. При этом последнее должна достигаться посредством государственного финансирования программ профессионального переобучения для облегчения межфирменной и межотраслевой миграции рабочей силы.

Что же касается мер по совершенствованию перераспределительных отношений, то в качестве приоритетных направлений называются: уже упоминавшееся давление в пользу повышения оплаты труда в частном секторе и соответствующее ему увеличение зарплат в общественном секторе; ускоренное повышение оплаты труда работников социальной сферы и младшего медицинского персонала; увеличение социальных выплат при наличии в семье лиц, нуждающихся в уходе и т. п. По сути, на первый план выводятся меры, результатом которых должно стать, помимо ослабления ряда дисбалансов и напряжений, стимулирование потребления и большей активности экономически проблемных групп населения.

Кроме того, постулируется средне- и долгосрочный подход к решению основных задач в сфере ресурсобеспечения, инфраструктурного строительства, экономической безопасности, снижения нагрузки на окружающую среду и др., при котором бюджетное финансирование соответствующих программ («пакетов мер») планируется сразу на несколько лет вперед.

¹⁹ В документе, постулировавшем основные положения экономической политики на 2022 фин.г., этот тезис формулируется следующим образом. «Правительство ставит своей задачей создать прочную основу для экономики и оздоровления государственных финансов. На этой основе кабинет Кисида будет стремиться реализовать новую форму капитализма, в основе которой лежат концепции «благоприятного взаимного влияния экономического роста и распределения его благ» и формирования «нового «постковидного» общества» (Reiwa 4nendo no Keizai Mitoushi to Keizai Seisaku Unei no Kihonteki Taido [FY2022 Prospects for the Economy and Basic Stance on Management of Economic Policy]. <https://www5.cao.go.jp/keizai1/mitoshi/2021/r031223mitoshi.pdf>) (дата обращения: 06.12.2022).

²⁰ Reiwa 4nendo no Keizai Mitoushi to Keizai Seisaku Unei no Kihonteki Taido [FY2022 Prospects for the Economy and Basic Stance on Management of Economic Policy]. <https://www5.cao.go.jp/keizai1/mitoshi/2021/r031223mitoshi.pdf> (дата обращения: 06.12.2022).

²¹ Учреждена распоряжением премьер-министра в октябре 2021 г. в качестве специального административного совещательного органа на временной основе (дидзитару риндзи гёсэй тёсакай). См. <https://digital-gov.note.jp/n/ne2e6281812b8> (дата обращения: 06.12.2022).

Последние изменения и возможная эволюция экономической политики

К концу 2022 г. в общих условиях функционирования японской экономики, в первую очередь в воздействующих на нее внешних факторах, произошли очень крупные изменения.

Во-первых, это резкий рост цен на энергоносители в первой половине года и вызванная целым рядом причин общая дестабилизация многих сырьевых и продовольственных рынков, триггером которой стал острый кризис в отношениях между Россией и коллективным Западом. Рост негативных ожиданий относительно будущего развития событий придал этой дестабилизации дополнительную остроту, а влияние его на японскую экономику, поначалу совершенно не критичное, постепенно стало осознаваться в качестве долгосрочного фактора. Это сильно повысило в глазах политической и деловой элиты значимость национальной энергетической политики во всех ее аспектах – от стабильности источников импорта энергоносителей до роли ядерной энергетики в будущей структуре энергетического баланса Японии. Обсуждение этих вопросов и принятие практических решений – от решений о перезапуске ранее остановленных реакторов на АЭС до вопроса о сохранении роли японских компаний в реализации проекта «Сахалин-2» – стали важной составной частью политической повестки для японского правительства.

Во-вторых, стало очевидным, что экономики США и ЕС, которые для японской экономики являются если и не главной, то критически важной частью внешней среды, оказались поражены вспышкой инфляции, достигшей величин, опасных для благополучия и роста. Неизбежные в этих условиях антиинфляционные меры в этих странах, в первую очередь ужесточение ими денежно-кредитной политики, поставили власти в Японии в сложное положение. С одной стороны, подстраивание под тренд приоритетности борьбы с инфляцией угрожает на несколько лет закрепить в японской экономике паттерны стагнации, с которыми правительство боролось все последние годы, так и не одержав убедительной победы. С другой – верность ориентирам, определенным еще первым кабинетом С. Абэ в 2013–2014 гг., в новых глобальных условиях начинает порождать риски и проблемы, приобретающие все более угрожающий характер. В частности, уже в 2023 г. ожидается резкий рост тарифов на электроэнергию для бизнеса и населения, даже если не произойдет новой дестабилизации глобальных энергетических рынков и логистических цепочек. Глубокое падение курса иены, в той или иной степени связанное, как было сказано выше, с сохранением мягкой кредитно-денежной политики, неизбежно приводит к удорожанию сырья и других компонентов промышленных издержек на внутреннем рынке, которое производители будут в возрастающей степени перекладывать на потребителей. Очевидно, нет никаких гарантий, что это не приведет к очередной волне падения спроса, который Банк Японии своей нынешней политикой пытается всячески поддержать.

Одновременно антиинфляционные меры, предпринятые нынешней американской администрацией, включают в себя не только меры по защите потребителей, но и субсидирование и льготное кредитование производителей в ряде областей – в альтернативной энергетике, производстве инновационных видов моторного топлива, электромобилей и др., как это предусматривает, например, принятый в августе 2022 г. Закон США о снижении инфляции (US Inflation Reduction Act, сокр. IRA). Эти меры, создающие для американских производителей дополнительные конкурентные преимущества на ряде перспективных направлений, порождают озабоченность не только европейских, но и японских компаний, проявляющих активность в соответствующих сферах.

В-третьих, на все вышеописанное накладываются опасения масштабной глобальной рецессии, вероятность которой повышается продолжающейся дестабилизацией производственных и логистических цепочек в условиях роста геополитических рисков сразу в нескольких регионах мира. Несмотря на то, что в официальных публикациях и выступлениях

членов кабинета эти опасения формулируются достаточно осторожно, в своей программной речи на открытии сессии японского парламента в октябре 2022 г. Ф. Кисида назвал их в числе главных рисков для экономики страны. В случае реализации этого сценария его последствия для японской экономики, очевидно, будут весьма серьезными, учитывая высокую степень ее интернационализации и зависимости от зарубежных рынков.

В этих условиях в расстановке акцентов экономической политики правительства произошла некоторая корректировка. При всей условности иерархии приоритетов нельзя не отметить заметное повышение в ней места *политики доходов* – точнее, мер для обеспечения роста доходов населения как главной движущей силы желаемого подъема конъюнктуры. В упомянутой выше октябрьской программной речи перед парламентом в дополнение к традиционному нарративу повышения зарплат была сформулирована задача обеспечения «структурного повышения оплаты труда» (*кōдзōтэкина тинъагэ*) за счет повышения квалификации последнего. К этой задаче были привязаны правительственные программы финансирования переобучения, на которые обещано направить 1 трлн иен в ближайшие 5 лет. Премьер выразил надежду на запуск самоподдерживающегося процесса взаимосвязанного повышения стоимости труда и его качества через «инвестиции в человека».

Более существенным моментом в этом плане является заявленное намерение содействовать эволюции системы оплаты труда в частном секторе в сторону ее ориентации на содержание и качество выполняемых обязанностей в противовес привязке к стажу работы в компании. Теоретически это должно способствовать заинтересованности работников в дополнительном обучении и повышении качества и ценности своего труда. Впрочем, это положение и раньше встречалось в официальных программах, и не вполне понятно, насколько серьезными будут попытки правительства навязать частному бизнесу желаемые изменения.

Относительно новым моментом является также обещание противодействовать попыткам крупного бизнеса саботировать пересмотр контрактных цен на продукцию мелких и средних поставщиков услуг и комплектующих в соответствии с ростом фактических издержек. В подобного рода давлении крупного бизнеса на зависимых от него субподрядчиков и партнеров, что в значительной степени перекладывает на последних бремя общего роста издержек, правительство видит серьезное препятствие для адекватного роста доходов в секторе мелких и средних предприятий.

В логику приоритета повышения доходов укладывается и обязательство премьера «защитить» наиболее слабые сегменты домохозяйств и бизнеса от отрицательного эффекта роста затрат на энергию посредством разрабатываемых кабинетом схем субсидирования соответствующих затрат – схем, которые были анонсированы им как «решительные» и «беспрецедентные».

Другим важным моментом, в котором можно усмотреть влияние изменения экономических условий в 2022 г., является *новое понимание поощрения «инвестиций для роста»* как одного из приоритетных направлений экономической стратегии правительства. При сохранении всех ранее сформулированных положений о поощрении инвестиций для инноваций и продвижения «трансформаций» экономики («цифровая трансформация», «зеленая трансформация») в списке приоритетов таких инвестиций значительно возросла роль, отводимая стабильному обеспечению энергией (включая, чего не было ранее, новые технологии в атомной энергетике), и экономической безопасности как на общенациональном уровне, так и на уровне отдельных функционалов. В рамках последней повышена приоритетность разработок и инвестиций, направленных на ослабление зависимости от импорта критически важных производственных компонентов, в первую очередь полупроводников. Кроме того, на первый план выдвинулись проблемы кибербезопасности, использования чувствительных данных, охраны объектов интеллектуальной собственности и защиты интересов их правообладателей. В качестве же инструментов стимулирования инвестиций, призванных решать эти задачи, по-прежнему

называются налоговые льготы, регулятивные послабления и особые режимы, грантовые программы для финансирования исследований и стартапов; государственные закупки инновационных услуг.

Наконец, последним новым моментом, который можно отметить в связи с этим, является **окончательное выпадение из официальной экономической повестки темы «оздоровления» государственных финансов**. Вместо этого в публичных выступлениях премьера, в которых он обрисовывает основные моменты будущей экономической политики, заметное место занимает тема интенсификации государственных инвестиций (*кан-но тōси*), призванных повлечь за собой увеличение частных инвестиционных расходов. При этом вопрос об источниках финансирования ожидаемого увеличения государственных расходов подается как предмет будущего рассмотрения, допускающего различные сценарии, в том числе увеличение долгового финансирования. В условиях, когда главным финансовым институтом, аккумулирующим государственные долговые обязательства, является Банк Японии, задача сокращения совокупного госдолга, судя по всему, не рассматривается как актуальная на обозримую перспективу.

REFERENCES

- Hoshi, T., Lipsy, Ph. (Eds). (2021). *The Political Economy of the Abe Government and Abenomics Reforms*. Cambridge University Press.
- Rogoff, K.S. (2022). The Age of Inflation. Easy Money, Hard Choices. *Foreign Affairs*, 120–133.
- Satoh, H. (2022). Middle or Muddle: Whither Post-Abe Japan? *East Asian Policy*, 14(01), 71–84.

Поступила в редакцию: 18.12.2022

Received: 18 December 2022

Принята к публикации: 27.02.2023

Accepted: 27 February 2023